

Фото из архива семьи Пастернак

ПОВЕРХ ЗАБОРОВ

Редакция попросила Марину Кудимову, поэтессу и жительницу Переделкина, осветить проблему заборов из профнастила. Но, видимо, стихотворная форма продиктовала другое «прочтение» жестяных ограждений — получился текст о чём-то большем.

Михайловский сад или дом Фонтанный — Чугунный узор оград. Воспетый Пушкиным город странный — Единственный — Петроград.	Сквозняк гуляет по ветхим дачам, И выцвел былой кумир. На картах посёлок не обозначен — Но имя запомнил мир.
Посёлок писателей подмосковный С замусоренной рекой. Пусть он из другого металла скован, Но тоже один такой.	Добрался заочно в него влюблённый Турист или журналист. Налево пошёл — профнастил зелёный, Направо — бурый профлист.

Едва ли паломникам скажет новым
Стандартный дорожный знак,
Что в этом товариществе садовом
Обрёл покой Пастернак.

Что здесь рождались «Два капитана»
И выдохнуто «Жди меня»...
Машины шаркают неустанно,
Тяжёлый выхлоп гоня.

Сама себя не напишет книга —
Идея, канва, сюжет.
А в профлисте какая интрига?
В нём только скудный бюджет.

На взгляд заезжего неофита,
Писатель уже не тот.

Но кто провидит, что там сокрыто —
За скучной жестью ворот?

А там таится такая сила,
Что, может, в дали веков
Забор возведут не из профнастила —
Из кипы черновиков.

Уймут раздоры, доспорят споры,
Рассеется сумрак туч,
И сквозь переделкинские заборы
Проникнет солнечный луч.

ПРЕСТИЖ ПОЭЗИИ

22 марта в Доме творчества Переделкино пройдёт ежегодный фестиваль «День поэзии», на этот раз посвящённый неконвенциональным формам. В связи с этим событием мы решили вспомнить тот самый альманах «День поэзии», название которого теперь уже стало символом. Мы поговорили с поэтессой Надеждой Васильевной Кондаковой, в качестве составителя собравшей три выпуска альманаха в 1979, 1980 и 1982 годах.

День поэта

Моим соседом в Переделкине был Лев Иванович Ошанин, с которым я была знакома ещё по Литинституту. И вот он мне рассказывал, что в 1955 году сложилась такая странная ситуация, что читатели перестали покупать стихотворные сборники. И чтобы как-то это исправить, секция поэтов Московской писательской организации решила провести в столице День поэта. Договорились с книжными магазинами о соответствующих афишах, подключили к этому прессу — газеты и радио. В назначенный день в книжные магазины пришли поэты. И откликнулась интересующаяся литературой публика. Поэты читали стихи, отвечали на вопросы. К удивлению многих (а никто и не верил сначала, что вообще из этого что-то получится) все залежи поэтических книг были распроданы. С автографами авторов.

Лев Ошанин, 1980 г.

Фото из архива Н.В. Кондаковой

Это воодушевило поэтов, в Доме литераторов прошло бурное собрание, думали проводить День поэта каждый год. А потом решили: нет, давайте-ка лучше сначала сделаем альманах поэтический и назовём его «День поэзии», а к его выходу уже само собой приложатся и встречи с читателями. И вот в 1956 году в издательстве «Советский писатель» вышел первый такой альманах. Его главным редактором и стал как раз Лев Ошанин, в то время руководивший секцией московских поэтов. Впоследствии именно прерогативой этой секции стало назначение главного редактора, составителей и редколлегии московского «Дня поэзии».

Первый выпуск

Вы спросите, а как формировалась эта секция поэзии? Как ни странно, в ту пору достаточно демократично. Раз в несколько лет проходили общие собрания московских писателей, на которых выбирался глава организации и формировался поимённый состав всех секций: прозы, поэзии, критики, драматургии... всё это происходило при тайном голосовании с помощью бюллетеней. Во главе Московской писательской организации часто становились поэты: Михалков, Щипачёв, Луконин, Наровчатов... Бывали, конечно, и прозаики — допустим, Сергей Смирнов, который «Брестскую крепость» написал.

Самого первого номера альманаха, к сожалению, у меня нет. Сейчас это безусловный раритет. Я предполагаю, что, в отличие от последующих выпусков «Дня поэзии», у первого был ещё небольшой тираж, думаю, тысяч 25, не больше. В дальнейшем тираж был 75 или 100 тысяч. И всегда подчёркивалось, что это именно московский альманах. В конце концов ленинградцы обиделись и решили выпускать свой питерский «День поэзии». Я не помню точно, с какого года, но значительно позже. А ещё в 1958 году была попытка вспомнить про российскую провинцию, в издательстве «Советская Россия» вышел альманах «День русской поэзии». Его выпуском занялась редколлегия: Антокольский, Грибачёв, Валерий Дементьев, Дудин, Корнелий Зелинский... При этом если московский «День поэзии» ставил во главу угла поэзию, её современное состояние, мемориальные страницы, то вышеназванный сборник открывался трескотнёй типа: «В этой книге вдохновенно и с любовью рассказывают поэты о сегодняшнем дне жизни советской России. Велики и необозримы просторы...» и так далее. Я полистала: и стихи в основном такие же, с пафосом и от-

крытой риторикой. Не знаю, выходил ли этот альманах ещё когда-нибудь, у меня такое ощущение, что нет. Единственная неудавшаяся попытка.

Пrestиж

Выхода «Дня поэзии» все ждали: и читатели, и сами поэты. Обычно он появлялся в продаже где-то в конце октября. К этому времени готовились поэтические вечера, на которых, как правило, выступали самые известные авторы и те счастливчики из молодых, чью публикацию одобрила редколлегия. Главные вечера проходили в Большом зале Центрального дома литераторов, в зале Чайковского, при большом стечении народа, а также в разных библиотеках и клубах Москвы. Альманах покупали охотно, и по окончании вечера стояли очереди за автографами участников. Опубликоваться в «Дне поэзии» было престижно. Соблюдалось негласное правило: альманах представлял только новые стихи, нигде прежде не опубликованные. Но это было ещё и финансово привлекательной историей, потому что публикация в «Дне поэзии» приносила самые большие гонорары. Из-за большого тиража. Советская система была так устроена: самый маленький тираж для поэтической книги считался 10 000 (меньше в центральных издательствах не печатали). А тут тираж в десять раз больше! Попасть на страницы «Дня поэзии» хотелось всем — и малоизвестным, и знаменитым. А особенно мечтали об этом молодые пииты, ибо публикация одной такой подборки как бы вводила их в круг поэтов состоявшихся.

«Тарусские страницы»

Мне кажется, что существует некоторая ментальная связь «Дня поэзии» с другим «оттепелным» альманахом «Тарусские страницы», появившимся на свет в 1961 году, но не в Москве, а в Калуге. В калужском издательстве в то время работал Николай Васильевич Панченко, впоследствии, кстати, наш переделкинский житель. И вот он взял на себя эту ношу. В новом альманахе решили опубликовать те произведения авторов, которые отвергли московские журналы и издательства. И ещё вознамерились обратиться к залежам «забытого и неопубликованного». А как вы понимаете, в то время было не опубликовано многое: Цветаева, Мандельштам, Клюев, Павел Васильев... Да и у живых поэтов неопубликованного хватало: от великой Ахматовой до молодой Ахмадулиной. И вот такой альманах, как ни странно, вышел. Там было 42 стихотворения Цветаевой и её проза, был Заболоцкий, очень много поэтов военного поколения: Самойлов, Слуцкий. Прозаическая часть тоже была интересная: «Золотая роза» Константина Паустовского, первая повесть Булата Окуджавы, проза Бориса Балтера, Владимира Макенмова, выдержки из воспоминаний Надежды Мандельштам (ещё под псевдонимом). Покровительство альманаху оказывал секретарь по идеологии, взявший его под свою ответственность, без московских цензоров. Собрали, издали — и вышел скандал. Кончилось тем, что первый тираж был остановлен: то, что успели расослать по библиотекам, отозвали, но у тех, кто купить успел, альманах остался. И вот после тарусского скандала стало понятно, что второй раз этот фокус больше нигде не пройдёт, в толстых журналах цензурные строгости не уменьшились. А «День поэзии» неожиданно стал такой отдушиной для поэтов. Иногда цензура, правда, снимала какие-то материалы (например, публикацию стихов Георгия Иванова в нашем выпуске ДП-80 или воспоминания Вероники Полонской о Маяковском в ДП-82). Но при этом проходили иногда и какие-то удивительные вещи, которые в толстых литературных журналах той поры было невозможно представить.

Мой «День поэзии»

В 1979 году совершенно неожиданно для себя я в первый раз стала составителем альманаха. Я в то время работала завотделом поэзии в журнале «Октябрь», всего два года как стала членом Союза писателей. И тут вдруг поэтесса Лариса Васильева на два года становится главным редактором, а мне предлагает войти в редколлегию составителем. А что значит быть составителем такого альманаха?

На ту пору в стране официально из почти 8000 членов СП СССР поэтов было около 3000, более половины из них писали на русском языке и больше 1000 человек жили в Москве.

А все московские поэты, чтоб вы

понимали, могли предлагать свои стихи и рассчитывать на публикацию. Так что конкуренция была высочайшая... Это были горы и горы стихов. И вот нужно было всё это прочитать и выбрать наилучшее. Что-то, конечно, читали и предлагали члены редколлегии. Но в основном после них отбирали мы с Ларисой, рассчитывая на свой вкус. Каким-то поэтам, которых ты хочешь видеть в альманахе, сам напоминаешь, просишь принести стихи. Известных поэтов военного поколения, например, или знаменитых шестидесятников... Но они и сами тоже были заинтересованы в публикации, потому что, повторюсь, это был и заработок, и престиж. А к некоторым поэтам из тех, у кого не было громкого имени, как, допустим, у Марии Сергеевны Петровых или Сергея Николаевича Маркова (но при этом они были настоящие поэты Божией милостью) мы сами приезжали за стихами. Помню, помню эти незабываемые встречи. С Марией Петровых всю жизнь дружила Ахматова, её любил Арсений Тарковский. Позже у неё был ещё громкий роман с Фадеевым. Или вот Надежда Павлович,

КАЖДЫЙ ПОСЛЕДУЮЩИЙ АЛЬМАНАХ В КАКОМ-ТО СМЫСЛЕ СОРЕВНОВАЛСЯ С ПРЕДЫДУЩИМИ. ВСЕМ ХОТЕЛОСЬ СДЕЛАТЬ САМЫЙ ЛУЧШИЙ И САМЫЙ ВОСТРЕБОВАННЫЙ ЧИТАТЕЛЯМИ «ДЕНЬ ПОЭЗИИ»

поэтесса, работавшая секретарём в Наркомпросе у Крупской, очень интересный персонаж, описанный в мемуарах Одоевцевой «На берегах Невы». Мы обнаружили, что эта пожилая дама ещё жива, нашли её в одной из арбатских коммуналок, договорились о встрече, пришли в гости за стихами: очень скромная обстановка, этажерка с книгами, на комодe в старинной рамочке портрет Александра Блока. У Блока есть запись в дневнике: «Приходили Книпович и Павлович, привезли дрова». Запись какого-то там, наверное, 20-го года. Молодые девушки, влюблённые в Александра Александровича. Евгения Книпович стала впоследствии литературным критиком. Я с ней общалась, когда работала в «Знамени». Евгения Фёдоровна, тоже уже старенькая, была членом редколлегии журнала. А у нас отдел критики и отдел поэзии были вместе, в одном помещении. И она заглядывала к нам иногда. А московские сплетни гласили, что у неё тоже был роман с Александром Александровичем Фадеевым. Любвеобильный мужчина был. И вот она сидит как-то рядом с моим столом, ждёт заведующего отделом критики Диму Старикова. А у неё на руке такой большой перстень, очень красивый. Я говорю: «Ой, Евгения Фёдоровна, какое красивое кольцо». Мне 24 или 23 года всего было... Она спокойно: «Да, это Александр Александрович подарил мне». И повисла такая пауза. Но она мгновенно всё поняла и продолжила: «Помню, был сырой петербургский вечер, мы шли с ним по набережной...» И всё встало на свои места. Видите, как одно воспоминание цепляет другое. Такая цепочка памятных ветреч. И работа в редколлегии трёх выпусков «Дня поэзии» дала мне чрезвычайно много таких ярких эпизодов.

Для «Дня поэзии — 80» мы придумали необычный ход. Как правило, альманах открывался, так сказать, ударным материалом — публикацией кого-то из старших советских классиков. А мы в тот год решили открыть его молодыми поэтами. И у нас впервые были опубликованы большие подборки так называемых метаметафористов: Александра Ерёменко (впоследствии избранного Королём поэтов) и Ивана Жданова, одного из лучших русских поэтов, ныне живущих среди нас. Кстати, Юрий Поляков, теперь известный прозаик, проживающий в Переделкине, начинал свой путь стихами и был представлен в той самой подборке молодых поэтов.

Обычно читающая публика с особым интересом ждала мемориальных публикаций альманаха и литературных воспоминаний. Вот расскажу уже про наш «День поэзии — 82» с главным редактором Владимиром Соколовым (тоже, кстати, впоследствии переделкинцем). Работать с ним было одно удовольствие! Безупречный вкус, непрекемый литературный авторитет и редкое остроумие Владимира Николаевича делали работу нашей редколлегии лёгкой и весёлой. Вот начнётся порой спор вокруг какого-нибудь автора, одни говорят: «Да, слабовата подборка». Другие: «Ну жалко же, поэт средний, но мужик-то хороший...» А Владимир Николаевич, помню, возьмёт рукопись в руки и начинает читать, серьёзно так, с выражением. И с такой прочтёт интонацией, что все

Поэтический вечер в библиотеке, посвящённый выходу альманаха, 1980 г. Литературный критик, поэт, главный редактор журнала «Литературное обозрение» Леонард Лавлинский (слева), Н.В. Кондакова (стоит) и поэт Валентин Устинов (справа). Фото из архива Н.В. Кондаковой

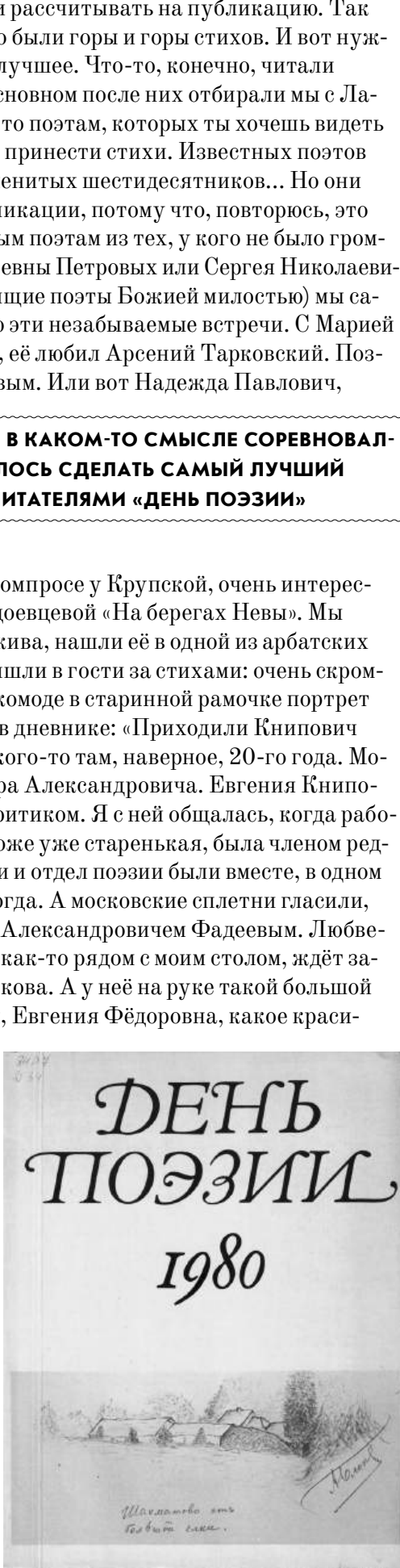
вокруг умирают со смеху. И вопрос о публикации снимается сам собой... Мемориальный отдел в тот год у нас тоже был на высоте. Мы опубликовали выдающиеся стихи Георгия Шенгели с предисловием Александра Межирова, большой цикл Велимира Хлебникова, шесть стихотворений Марины Цветаевой, знаменитую поэму Владимира Луговского «Алайский рынок», цикл шуточных басен Николая Заболоцкого, неопубликованные стихи Дмитрия Кедрина, Леонида Мартынова, Николая Глазкова, Сергея Наровчатова — всего не перечислить. В разделе фото (всегда пользовавшимся вниманием читателей) мы представили уникальный обзор поэтов Серебряного века — редкие, даже редчайшие фото Маяковского и Михаила Кузмина. А также Андрея Белого, Северянина, Балмонта, Сологуба — их же тогда никто в лицо не знал...

А ещё в тот год я придумала рубрику «Гости» для немосковских поэтов. Так у нас вышла первая публикация в «Дне поэзии» Марины Кудиновой. Она ещё тогда в Тамбове жила. И питерские гости были: Александр Кушнер, Глеб Горбовский и Борис Сиротин из Куйбышева. И воспоминания Ардова об Ахматовой, впервые опубликованные у нас, помню, и воспоминания Виктора Астафьева о Ярославе Смелякове... Как сами понимаете, такая работа не могла не приносить удовольствие — было очевидно, что мы работаем над увеличением и уплотнением литературного пространства, имевшего тогда ещё совершенно явственные изъятия и лакуны.

Интерес к поэзии

Поэтический бум шестидесятых вкупе с альманахом «День поэзии» и поэтическими вечерами воспитали русского поэтического читателя, которого сейчас уже практически не осталось. Я вот тут одно забавное выражение обнаружила: «Поэзия обидлилась на безгонорарной основе». То есть на сайте «Стихи.ру» сегодня может публиковаться кто угодно с чем угодно: ни тебе цензуры, ни редатуры, ни отбора, ни планки умения писать стихи (не говоря уже о мастерстве!). А у нас всё-таки серьёзный отбор был, и тем самым шло формирование и воспитание читательского вкуса. Можно было быть уверенным, что пошлости и литературной беспомощности стоял в «Дне поэзии» надёжный коллективный заслон. Ведь отвечали за это не только главный редактор и составитель, но и вся редколлегия. И за нами стоял ещё опытейший Виктор Сергеевич Фогельсон, бессменный редактор всех выпусков альманаха. И поэтому каждый последующий альманах в каком-то смысле соревновался с предыдущими. Всем хотелось сделать самый лучший и самый востребованный читателями «День поэзии». В 70-е годы интерес публики к поэзии ещё не ослабевал. А в 80-е многие помнят, как его подогревали «Поэтические вечера в Останкино». Они были у всех крупных поэтов того времени: Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной, Рождественского, Соколова, Окуджавы, Левитанского, Межирова, Винокурова и так далее. Эти вечера шли, как сейчас сказали бы, по Первому каналу в прайм-тайм, и пользовались большой популярностью зрителей. Мало того, сам председатель Гостелерадио С. Г. Лапин, которого считали «идеологическим цензором», оказывается, очень способствовал этому, ибо сам любил и хорошо знал поэзию. Он же придумал ежедневно ровно за пять минут до программы «Время» выпускать поэта, читающего свои стихи (конечно, не в прямом эфире, а в записи). Эффект оказался огромным: мешки писем приходили в Литдрамвещание с просьбой продолжать это интересное дело. Сейчас нечто похожее, кстати, осуществляет канал «Культура»: в паузах между двумя большими программами звучат стихи в исполнении авторов, называется это «Три минуты тишины»... Может быть, и нам сегодня удастся вырастить новое поколение ценителей поэзии? В том числе и с помощью проектов Дома творчества Переделкино...

Записал Денис Крюков

Обложка альманаха «День поэзии», 1980 г.

Обложка альманаха «День поэзии», 1982 г.

НОВОСТЬ

В ПЕРЕДЕЛКИНЕ ОТКРОЕТСЯ МУЗЕЙНЫЙ ДОМ

Автор фото: Михаил Голденков.
Снимки сделаны для путеводителя по Перedelкинy «Тинькофф Журнала» <https://journal.tinkoff.ru/peredelkino-guide/>

Идея музейного пространства, в котором можно было бы представить историю городка писателей Перedelкинo, витает в воздухе давно. Сколько историй хранит Перedelкинo, сколько тут было написано, сказано, пережито. И как вместиť в одно пространство литературную жизнь целого века и десятки писательских судеб?

К решению этой непростой задачи Дом творчества Перedelкинo по-дойдет в 2025 году. После комплексной реставрации откроется Коттедж номер 1, в котором разместится музейный дом «Первая дача».

Уже сейчас можно видеть результаты реставрационных работ — коттедж стоит рядом с главным входом в Дом творчества. В 2023 году после экспертизы с участием специалистов по деревянному зодчеству было принято решение создать для дома новый фундамент. Коттедж буквально подвесили на кране, пока шли эти работы. Затем для исторических стен построили мощный внутренний каркас. Сейчас, пока идут внутренние отделочные работы, Дом творчества занимается разбором и пополнением архива, который станет основой для выставочных проектов.

Дарья Беглова, руководитель Дома творчества Перedelкинo:

«ПРИ РАЗБОРЕ ХОЛОДНОГО СКЛАДА МЫ НАШЛИ МНОГО АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ МЕСТНЫМ ЖИТЕЛЯМ. АРХИВЫ НАМ ПЕРЕДАЮТ И РОДСТВЕННИКИ ПИСАТЕЛЕЙ. МЫ РАЗБИРАЕМ И СИСТЕМАТИЗИРУЕМ ЭТИ ДОКУМЕНТЫ, МНОГИЕ ИЗ КОТОРЫХ ЯВЛЯЮТСЯ ВАЖНОЙ ЧАСТЬЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ, СВИДЕТЕЛЬСТВОМ ВРЕМЕНИ. РОДНЫМ ЧАСТО ТЯЖЕЛО ИМЕТЬ ДЕЛО С НЕРАЗОБРАННЫМИ ПАПКАМИ ЗАПИСОК, МАШИНОПИСНЫХ ТЕКСТОВ, ДНЕВНИКОВ И ПРОЧЕГО. А МЕЖДУ ТЕМ ДАЖЕ ЧЕК ИЛИ ВЫПИСКА МОГУТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМ ВРЕМЕНИ. МЫ ПЛАНИРУЕМ СОЗДАТЬ ОТКРЫТЫЙ МЕДИААРХИВ, ГДЕ БУДУТ ДОСТУПНЫ ОБРАБОТАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ. ВОЗГЛАВЛЯЕТ ЭТИ РАБОТЫ ФИЛОЛОГ, ИСТОРИК КУЛЬТУРЫ, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИМЛИ РАН И АВТОР КНИГИ „СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ“ ДМИТРИЙ ЦЫГАНОВ».

ШПАРГАЛКА САДОВОДА НА МАРТ

1. Осмотреть плодовые деревья (кору могли повредить грызуны).
2. Подлечить деревья, если они повреждены до древесины, специальными средствами.
3. Подготовить инструменты для обрезки, продезинфицировав их.
4. Обрезать плодовые деревья: уда-

лить сухие и растущие внутрь кроны ветки.
5. Мульчировать косточковые для задержки цветения. А вдруг морозы?!
6. Обрезать кустарники: удалить сухие, лежащие на земле ветки, заготовить черенки.
7. Подкормить малину золой.
8. Привить деревья и кустарники после набухания почек.

ЧТО ПИШУТ

Перedelкинские литераторы рассказывают, над чем сейчас ведут работу

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ:

«Пишу роман под рабочим названием „Ледяной дождь“ и пока не знаю, куда он меня выведет. О любви, о судьбе, о жизни, в общем, пока ничего конкретного».

ТАТЬЯНА НАБАТНИКОВА:

«Я по основной своей дисциплине прозаик, рассказчица. Но в последние годы занимаюсь в основном переводами с немецкого. В этом году в издательстве „Фолиант“ вышел роман швейцарца Шарля Левински „Полубородый“, основанный на настоящих исторических событиях Швейцарии, когда она представляла собой ещё отдельные кантоны.

Швейцарию я люблю, это страна вооружённых мужчин (вы не знали?). Швейцарец, отслуживший в армии, возвращается домой со своим оружием, оно остаётся с ним навсегда. Поэтому Швейцария — самая безопасная страна Европы.

А Шарль Левински — моя давняя любовь, я перевела несколько его романов. Авторский принцип Левински: никогда не повторяться. Каждая его книга — освоение совершенно новой темы».

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ заканчивает работу над книгой о Леониде Андрееве «Герцог Лоренцо», в которой исследует ранний период жизни Андреева: от рождения до смерти его первой жены «дамы Шуры» и создания рассказов «Иуда Искариот» и «Тьма». «Это книга о человеке, который всю жизнь искал самого себя». «Герцог Лоренцо» должен выйти в Редакции Елены Шубиной.

КОНСТАНТИН КОВАЛЁВ-СЛУЧЕВСКИЙ:

«В этом году готовятся к выходу две мои новые книги. Продолжаю также работать над звучащим романом (но пока это секрет, в этом году, может, и выйдет, хотя не уверен, что закончу).

„Тайнопись Звенигородской обители“ — книга, связанная с историей подмосковного края, к которому относится и наше Перedelкинo. Немногие помнят тот факт, что ранее территория нашего посёлка входила в состав Звенигородского уезда Московской губернии — самого большого из уездов, окружавших древнюю столицу. Книга состоит из цикла исторических рассказов — проза на грани нон-фикшен. В ней собраны многочисленные цветные иллюстрации, часть из которых уникальна.

„Небесное крещендо. Мой Бортнянский и музыка любви“ уже не первая моя книга, которая выходит в издательстве Общecerковной аспирантуры и докторантуры. О названии книги ещё идут споры с издателем, хотя она уже уходит в производство.

В этом году исполняется 200 лет со дня кончины выдающегося музыканта и основателя композиторской школы в нашей стране. Когда-то я писал о Дмитрии Степановиче Бортнянском (в серии „ЖЗЛ“). Но теперь приходится всё пересматривать заново.

Хочу сказать, что знакомство с творчеством композитора может перевернуть ваши взгляды на жизнь и музыкальное творчество».

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ:

«ЧЕМ Я ЗАНИМАЮСЬ В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

Вчитываю, обдумываю и готовлю к печати рукопись книги „САША. Александр Кабаков и его эпоха“. 24 авторских листа. Написано вместе с Михаилом Гундариным.

Когда закончу, выйду на улицы Перedelкина гулять и придумывать новые сюжеты, предварительно выпив водки. Мне недавно исполнилось 79 лет. По утрам думаю о том, сколько мне ещё Господь отпустит лет, месяцев, дней, часов и минут. А по вечерам не думаю». 20.02.2025

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО:

«Я сейчас работаю над составлением сборника современной женской прозы „Сильная женщина“. Это уже восьмой том антологии женских рассказов. Только что вышел сборник „Семейное счастье, или сны о доме“, а мы уже собираем новый».

9. Собрать почки для полезных чаепитий.
10. Набрать берёзовый сок.
11. Избавиться от зимующих паразитов.
12. Привлечь в сад птиц.
13. Посеять семена на рассаду, а затем распикировать и подкормить их.
14. Посеять на грядках перец, физалис, ранние сорта белокочанной и цветной капусты.
15. Начать проращивание декоративных цветов.
16. Начать проращивание овощных культур.
17. Посеять однолетники.
18. Обработать участок от клещей.
19. Прочистить водостоки.
20. Убрать остатки старых листьев.

КНИГИ МЕЖДУ КНИГ

Перedelкинских (и не только) женщин поздравляет с весенним праздником Марина Кудимова, а редакция скромно присоединяется.

Рисунок Галины Смирнской

Начало марта, несмотря на появление множества новых феминно окрашенных праздников, остаётся временем женщин. Мимозным, раннетюльпанным и розовым. И никакая Роза и Клара тут ни при чём. Просто к 8 Марта мужская половина российского человечества привычно — оптом — заглаживает букетами и заваливает конфетами собственные промахи за целый год. Перedelкинских женщин тоже всячески поздравляют в эти дни. Но не всех одинаково горячо. Многочисленные посетители городка писателей требуют на сцену Беллу Ахмадулину и femme fatale русского авангарда Лилию Брик. Ну или Ольгу Ивинскую. Однако при всём почтении они отнюдь не единственные роковые красавицы городка писателей. Например, Марианна Роговская-Соколова, дай ей Бог здоровья, до сих пор ничуть не менее красива, чем в молодости. И заслуг перед отечественной поэзией у неё не меньше, чем у вызываемых на сцену. Шутка ли! Муза-вдохновительница одного из самых тонких и в своё время известных поэтов — Владимира Соколова. Ей есть о чём рассказать! И мы не теряем надежды, что Марианна Евгеньевна ещё напишет свою летопись эпохи шестидесятников.

Чуковский называл Сейфуллину «боевой». Да она такой и была. Однажды по дороге на станцию на писательницу и её сестру напал вор, вырвал из рук сестры сумку. «Товарищ, бросьте сумку! Там денег совсем нет! Там только паспорт и очки, пожалуйста, отдайте!» — завопила Сейфуллина так убедительно, что вор выбросил в траву и сумку, и её содержимое.

Женщин писатели любили всегда,

ОНА ВЫЗЫВАЛА ХОДАСЕВИЧА НА ДУЭЛЬ НА ШПАГАХ, НО ТОТ ВЫЗОВА НЕ ПРИНЯЛ

как Пушкин им завещал. Когда начался скандал с романом и премией, Пастернак написал письмо Фурцевой. На вопрос, почему именно министру культуры, отвечал: «Так ведь она женщина...» Но писатели, по меткому мему, женятся на собственных вдовах. Вдовам Перedelкина ещё предстоит быть воспетыми. Чего стоит царственная Тамара Ивано-

ва-Каширина, между прочим, председатель Совета писательских жён (впоследствии вдов). Ученица Мейерхольда, подруга Бабеля и мать его сына, до странно-сти похожего на Мейерхольда. Но вдова строго Всеволода Иванова. Свою 90-летнюю жизнь Тамара Владимировна посвятила попыткам доказать, что её муж был писателем-новатором, по достоинству не оценённым, а не только автором «Бронепоезда 14-69»! Пробила в печать два романа Иванова — малую толику его архива. Сама о себе, яркой красавице, говорила скромно: «У меня была счастливая внешность...» Написала замечательные мемуары о встречах с великими современниками.

А Мариэтта Шагинян! Эскурсанты любят слушать многочисленные байки о чудачествах «железной старухи». Она любила писать письма начальству. Например, председателю Совета народных комиссаров Молотову про дачу«с недоделками», где отваливались перила и не закрывались перекошенные окна. С недоделанной дачи Шагинян — единственная — в знак протеста съехала (остальные покорно доделывали за свой счёт) и вернулась в Перedelкинo только в 1972 году лауреатом Сталинской и Ленинской премий, в недалёком будущем Героем Социалистического Труда. Она, выговорив Хрущёву в Петрове-Дальнем всё, что думала об инициированном им сносе исторических зданий, уже весьма молодая пошла пешком вьютмах до станции, простыла, долго болела.

Чудачкой Шагинян была всегда. А вот «железной старухой» нет. И ничьей вдовой при такой самодостаточности, хотя пережила мужа-переводчика на 22 года, — никогда. Ходасевич называл её «восемнадцатилетней путаницей», которая всегда от кого-то «без ума». Она вызывала Ходасевича на дуэль на шпагах, но тот вызова не принял. Популярность Шагинян в периоде, известном как Серебряный век, превышала ахматовскую и Цветаевскую. Её второй сборник стихов Orientalia прогремел как её же трюсть, которой она много лет спустила колотила по перedelкинским заборам, оплакивая Пастернака:

*К её ерди с гортанным криком
Принал горячий сосуеиц.*
Это, чтобы никто не сомневался, о молодце. Но восточная эротика привлекла внимание Розанова, который откликнулся на книгу 25-летней поэтессы рецензией. Шагинян переписывалась с Сергеем Рахманиновым. Великий музыкант писал ей: «Кроме своих детей, музыки и цветов, я люблю ещё Вас, Ваши письма...» Шагинян посвящала мадригалы Гумилёв. Она едва ли не в одиночку вступилась за шельмуемого Шостаковича, написав в ЦК. Стихи Шагинян забылись. Читателя её романа «Гидроцентраль» вообразить во все времена сложно. Но после цикла статей в «Известиях» «Три дня на ФИАТе», на АвтоВАЗе при приёме на работу ещё долго спрашивали: «Вы читали Шагинян?» И положительный ответ способствовал положительному решению о трудоустройстве.

Вот и мы приняли решение поздравить всех женщин Перedelкина, что и делаем от всей души! А для поздравлений всегда можно найти повод. Весну-то уж точно никто не отменял!

**9 МАРТА
ТАРАС ШЕВЧЕНКО**

«На вселады гогочет нежить... / Лес отозвался; гам и крик, — / Сошли с ума, иль кто их режет, — / Несутся к дубу напрямик... / Вдруг они остановились, / Смотрят: у опушки / Кто-то лезет вверх по дубу / До самой макушки. / Это ж та, что под горою / Сонная бродила: / Вот какую злую порчу / Ведьма напустила!» («Порченая»)

**10 МАРТА
БОРИС ВИАН**

«Проходя мимо, Колен погладил одну из мышек — у неё были длиннющие чёрные усы, сама она была серая, стройная и чудесно лоснилась. Повар кормил их очень хорошо, не позволяя, однако, слишком толстеть. Днём мыши не шумели и играли только в коридоре» («Пена дней»)

**11 МАРТА
ТОРКВАТО ТАССО**

«Пою борьбу святую и борца, / Исторгшего из плена Гроб Господень» («Освобождённый Иерусалим»)

Писатель каждый день
Отмечаем дни рождения известных литераторов и некоторые другие события

**1 МАРТА
ФЁДОР СОЛОГУБ**

«После обеда Передонов лёг спать, как всегда, если не шёл на бильярд. Во сне ему снились всё бараны да коты, которые ходили вокруг него, блеяли и мяукали внятно, но слова у них были все поганые» («Мелкий бес»)

**2 МАРТА
ЕВГЕНИЙ БАРАТЫНСКИЙ**
«Как мне быть? Я мали плох» («Недоносок»)

**3 МАРТА
ЮРИЙ ОЛЕША**

«Дура эта Суок! Зачем она танцует для нищих, для солдат, ремесленников и оборванных детей? Ведь они ей платят так мало денег» («Три толстяка»)

**4 МАРТА
БЕРНХАРД КЕЛЛЕРМАН**

«Они прибыли в Европу с опозданием на двенадцать минут» («Туннель»)

**5 МАРТА
ПЬЕР ПАОЛО ПАЗОЛИНИ**

«***** ** ***!» («Компартия — молодёжи!»)

**6 МАРТА
ПЁТР ЕРШОВ**

«Люба, любя! — все кричат. — За тебя хоть в самый ад!» («Конёк-горбунок»)

**7 МАРТА
КОБО АБЭ**

«Одним словом, человек-ящик — я сам. Итак, человек-ящик, сидя в ящике, приступает к запискам о человеке-ящике» («Человек-ящик»)

**8 МАРТА
ЮРИЙ РЫТХЭУ**

«Кита не было. Вместо него лежал человек. Он был мёртв, и волны перебирали его чёрные волосы. А далеко, до стыка воды и неба, простиралось огромное, пустынное море, и не было на нём ни единого признака жизни, ни одного китового фонтана. Киты ушли» («Когда уходят киты»)

И вообще,
Задумывались вы
Над сущностью цветка?
Что за идея,
Какому (языком собрания говоря,
Писательского нашего собрания),
Скажите мне, какому содержанию
Придал художник форму василька?

Владимир Солоухин

Рисунок Галины Смирнской

Г

ДАЧНАЯ АЗБУКА

«Перерыв» будет исследовать не только Переделкино, но и дачу как феномен. И, конечно, логично начать знакомство с этим феноменом с дачного словарика, снабжённого комментариями дружественных нам персонажей.

Рисунок Андрея Крюкова

«АНТЕННУ ПОКРУТИТЬ» — еженедельная просьба одних жителей садового дома к другим. Телевизионная антенна, располагавшаяся на крыше, неизменно требовала специальных техник верчения в различные стороны, подёргивания и специфической лексики для улучшения приёма. Ритуальные верчения изучаются до сих пор, но учёными не прослеживалась зависимость от скорости и направления верчения с улучшением приёма-передачи картинки и звука.

БАННЫЙ ДЕНЬ — важный день в дачном календаре, требующий особой подготовки и силы духа. **БАРДАЧОК** — кожаный аксессуар, прикреплённый к седлу или раме велосипеда и содержавший набор инструментов для самостоятельного устранения внезапных поломок. Характерными особенностями б. являлись невозможность его открыть и (или) неконтролируемое исчезновение содержавшихся в нём инструментов. **БЕТОНКА** — чаще всего это центральная улица дачного посёлка. **БИДОН** — универсальный предмет обихода, предназначенный для покупки различных жидкостей (например, молока), хранения букетов, складирования различных мелких предметов.

БОЧКА — обязательный предмет садового ландшафта, располагавшийся у одного из внешних углов дома. Предназначался для сбора дождевой воды, полива огорода, детских развлечений, неконтролируемого сбора мелкодисперсных отходов, часто использовался в качестве некрополя летающих насекомых. **ВАСИЛЬКИ** — полевое сорное растение, пользующееся особой популярностью для сбора дачных букетов. **ВЕЛИК** — транспортное средство, не требующее специального ухода, стоянки, нержавеющей, непопращеся, зачастую не отвечающее правилам

безопасности транспортных средств на дороге.

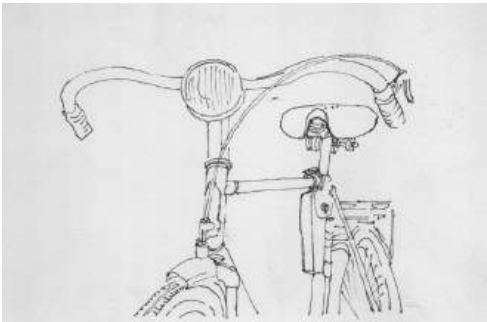

Рисунок Андрея Крюкова

ВЕРАНДА — самое обжитое пространство дачного дома, особенно подходящее для чаепитий. **ВОДОКАЧКА** — главный топоним дачных посёлков. **ВЫСОКОВОЛТКА** — главный топоним вне дачных посёлков. **ГАЗОВЫЙ БАЛЛОН** — предмет волнений дачника. В былые времена по характерному позвякиванию можно было определить приближение грузовика, загруженного г. б. Важнейшей задачей дачника было не пропустить спонтанный приезд такого грузовика. **ГАМАК** — заштопанное и множество раз отреставрированное подвешенное ложе, после пребывания в котором повышается риск дорсопатии, ломбаго, лордоза на 90 %. **«ГОНЯТЬ ТЛЮ»** — совокупность увлекательных методов борьбы с насекомыми-вредителями, зачастую бесполезных. **ГРАВИЙ** — материал, по которому очень больно ходить босиком. **«ДАЛИ ВОДУ»** — кодовый позывной всех дачников-подснежников (тех, у кого летняя дача), по которому они молниеносно открывают сезон. **ЗЕЛЁНКА** — синтетический анилиновый краситель всего в радиусе 50 метров от центра использования, необходимый для заживления ран после падения с велика (см. «Велик»). **ЗЕМЛЯНИКА** — ягода, которую приятнее всего употреблять сразу на ме-

сте сбора, ни с кем не поделившись. **КАЛИТКА** — дверь в заборе, запирающаяся на различные виды замков (самодельные засовы, резиновые насадки от газовых баллонов и т. д.). Открытие калитки всегда сопровождается характерным скрипучим звуком. **КАЛОШИ** — резиновая обувь, чаще всего на несколько размеров больше вашего. **КАНАВА** — водоотводное сооружение для сброса скошенной на участке травы, палой листвы, булыжников, камней, а также для неудачных падений. **КЛЕЁНКА** — защитное изделие для сервировки дачного стола. В отличие от скатерти, защищает не столешницу, а всех остальных от неё. Выцветающие узоры клеёнки, как годовичные кольца, могут рассказать о её возрасте. **КОЛОДЕЦ** — приспособление, использование которого заменяет дачникам поход в спортзал. **КОМПОСТНАЯ ЯМА** — сбор органических отходов жизнедеятельности дачника и место поисков червяков для рыбалки. **КОМПОТ** — главный дачный напиток из садовых ягод, произрастающих на участке. Всегда заканчивается быстрее, чем предполагалось его изготовителем. **КОСТЁР** — огонь, который бывает не-празднй (для сжигания сухих веток, листьев, отходов) и праздный (для увеселения или приготовления шашлыков). **ЛЕЙКА** — не менее важный, чем шланг, предмет для полива огорода. Обладает специальным визуальным эффектом — всегда тяжелее, чем кажется (см. «Шланг»). **ЛОПУХ** — растение-тарелка, опахало и шляпа. **МУХОБОЙКА** — самодельное приспособление для уничтожения назойливых насекомых. **ОДЕКОЛОН «ГВОЗДИКА»** — лучший репеллент на рынке уже более 60 лет. **ОСА В КОМПОТЕ** — реальная угроза здоровью дачника. **ПАНАМА** — головной убор, неизвестно где, кем, когда и для каких целей приобретённый. Используется от солнца и для похода в лес. **ПАРНИК** — предмет гордости дачника. В парник допускаются только самые проверенные и надёжные посетители. **ПЕСОЧНИЦА** — главная строительная и кулинарная площадка. **«ПЕТУШОК ИЛИ КУРОЧКА»** — дачная азартная игра. **«ПО ГРЯДКАМ НЕ ХОДИ!»** — последнее предупреждение дачника перед началом серьёзных конфликтов и междоусобиц. **ПОДОРОЖНИК** — базовое дачное лекарственное средство при ушибах и ранениях. **ПОДПОЛ** — таинственное помещение с банками различного содержания. **ПОЛЯНА С ОПЯТАМИ** — предмет вождения дачника с конца июля до середины сентября. **ПРОПОЛКА КЛУБНИКИ** — распространённое фитнес-упражнение, укрепляющее мышцы спины. **РАСКЛАДУШКА** — предмет садовой мебели для послеобеденного сна, чаще применялся для просушки на солнце постельного белья. **РУКОМОЙНИК** — сосуд с водой,

предназначенный для умывания и мытья рук. Практически всегда украшен со всех сторон большим количеством безымянных зубных щёток из разных исторических периодов.

САРАЙ — важнейшее сооружение на территории садового участка, является местом хранения не только садового инвентаря, строительных инструментов и фурнитуры, но и лежаков, гамаков, великов, мячей, ракеток, воланов, прыгалок, газет, фонарей, жидкостей различной этиологии, надувных матрасов, ванн, та-зов, мухобоек и даже противогазов.

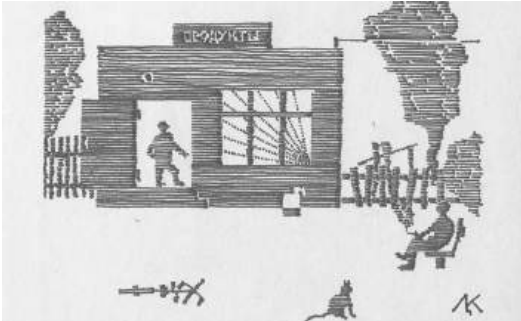

Рисунок Дениса Крюкова

СЕЛЬПО — магазин, находящийся в близлежащей деревне или просто рядом с дачами. Помимо торговых операций, уже многие годы выполняет функцию офлайн-ой соцсети. **СМОЛА** — липкая древесная жидкость, в которую обязан попасть каждый житель дачного посёлка, испачкав одежду, а лучше — волосы.

СТОРОЖКА — помещение, располагающееся в дачном посёлке часто у ворот. Место проживания сторожа и вечерних встреч с соседями.

ТАЧКА — ручная тележка, обычно припаркованная возле кучи песка. **ТРЕНИКИ** — важнейший предмет дачного гардероба, характерной особенностью которого являются неизменно растянутые колени, зачастую — ослабленная резинка. Хорошо сочетаются с калошами (см. «Калоши»). **ФЛОКСЫ** — род растений семейства синюховые, самый популярный на садовых участках. Скорее всего, из-за того, что, помимо богатой разнообразной окраски и приятного запаха, соцветия имеют сладкий привкус.

ШАЛАШ — место сбора дачной молодёжи. **ШЛАНГ** — гибкая труба для полива огородов и клумб, набора воды, очищения обуви и бытовых предметов. Обычно располагается в самых разных концах участка, зачастую пересекая его от одного конца до другого. **ЭЛЕКТРИЧЕСТВО** — движение носителей электрического заряда в розетки дачных домов и в обратном неизвестном направлении. Непостоянство электричества привносит в рутину дачников переполох, заставляет искать иные способы освещения и обогрева, а также способствует укреплению социальных соседских связей, заставляя жителей узнавать друг у друга о причинах и сроках исчезновения электричества. **ЭЛЕКТРИЧКА** — единственное транспортное средство до дачного посёлка, своего рода испытание.

Футбол, крыжодина, книгас чердака и другие дачные приключения

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ (ОСНОВАТЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬСТВА AD MARGINEM):

«Моё дачное детство проходило под Минском в деревенских домах, которые снимали на лето родители мамы. Несколько лет они арендовали полдома в деревне возле городка Ракова, в 60 километрах от Минска, где до 1939 года проходила граница между Польшей и СССР. Мне было двенадцать-тринадцать лет. Однажды я залез на чердак и обнаружил там несколько десятков экземпляров книги, написанной бывшим хозяином дома и изданной по-русски в Польше в начале 30-х. Книга называлась «Записки американского холостяка». Я помню своё потрясение, когда читал описания походов молодого белоруса в Чикаго и Детройте. Обычные радости дачной жизни в глуши Налибокской пуши окрасились чем-то непонятным и слегка запретным, хотя никакого порно в книжке не было, скорее это был дневник молодого нищего повесы, немного напоминающий оруэлловские «Фунты лиха в Париже и Лондоне».

В лесу через дорогу от дома начинались грибные мшистые сосновые леса, изрытые там и сям оставшимися от войны окопами. В одном из них мы с деревенскими парнями выкопали неразорванный наконецник артиллерийского снаряда и сунули его в костёр, а потом минут двадцать ожидали взрыва, который нас разочаровал своей малой мощностью и скромным звуком. Вот, пожалуй, и все яркие впечатления моего дачного детства».

КАСЯ ДЕНИСЕВИЧ (ХУДОЖНИЦА):

«В моём детстве было две дачи: бабушкиного брата дяди Толи на Малаховом кургане и их сестры тёти Лены на Максимова даче, под Севастополем. На поколение выше в нашей семье все агрономы: прабабка с братьями и сёстрами оказались в 1916 году в детском доме, и только старший брат уехал в агропромышленный техникум в Керчь. Постепенно он всех забрал к себе, и остальные по очереди пошли учиться вслед за ним. Там же прабабушка встретила прадеда. Из их троих детей никто не получил профессии, связанной с землёй, но она осталась у них в крови и на кончиках пальцев.

Дача на Малашке — райский сад за высокой стеной ажины (так на юге называют ежевику). Мы с сестрой совсем маленькие. Мы никогда не видели таких красивых помидоров, такой гигантской малины и черешни. Жена дяди Толи, тётя Вера стремится к идеалу: в каждом ведре персиков она находит алмаз и кладёт его сверху, как корону. Таких персиков — с белым мясом, с которого кожа снимается одним движением, оставляя идеальную, как зад младенца, форму — я, в общем, так никогда больше и не увидела. Мы очень любили вишню, но приезжали, когда она уже отходила. Специально для нас оставляли одно дерево, и мы в первый же день, чуть ли не вокзала, забирались на него и снимали с веток такие спелые ягоды, что они как будто сразу выдыхали, лопались и заливали руки густым соком.

МЫ ВСЁ ЕЛИ НА ЭТОЙ ДАЧЕ, РАЗДЕТЫЕ ДО ТРУСОВ, ПОТОМУ ЧТО ВСЁ ВЗРЫВАЛОСЬ ОТ РАДОСТИ

Эти вишни ждали нас, как родных. Как вот пусть каждого кто-то ждёт. Мы всё ели на этой даче, разделтые до трусов, потому что всё взрывалось от радости.

Вторая была уже в 90-х на окраине новой сетки участков у Максимова дачи. Путь туда был фантастическим — по заброшенной усадьбе, в ди-ком парке которой осталась каскада бассейнов с поросшим илом дном и стенками и с ледяной водой. Потом мы проходили заброшенный сокозавод — чем-то поросший огромный ржавый замок. Потом — лабиринты такой буйной и злой ажины, как будто идёшь не по сетке дачных улиц, а по пробору на голове медузы.

Я тогда уже была старше, меня меньше волновала семейная жизнь и больше — оставленные в Москве одноклассники. К тому же обстановка там царила аскетическая. Если у дяди Толи была жена и две дочери, то тётя Лена ухаживала за всем в одиночку, это был её личный трудовой подвиг. Дом без лишнего уюта, участок поднят из сухой пыльной земли недавно. Но тётя Лена, как человек неутомимый и к тому же любопытный, всё время ставила опыты: то она выращивала мини-арбузы, то киви, то гибрид крыжовника и смородины — крыжодину. Посреди участка стоял большой старый абрикос, под абрикосом — кровать с продавленной железной сеткой, а в ней — мы с Сашкой. А вокруг целый день босяком бегала тётя Лена. В этот танец было невозможно вмешаться или присоединиться: она всё делала сама, и все ей только мешали. Она была погружена в дело, в себя и, как я сейчас понимаю, счастлива.

Всего этого больше нет. Но несколько лет назад моя троюродная тётя купила новую дачу под Севастополем, и тут же оказалось, что кровь не водича. Прошлой осенью она отправила нам по почте пастилу из кизила и трёх видов инжира.

Я уже посчитала, сколько ещё лет я должна быть в Москве, а потом хочу уехать и последовать примеру их всех. Очень надеюсь на это».

Подготовила Мария Федотова

Писатель каждый день

12 МАРТА ДЖЕК КЕРУАК

«С появлением Дина Мориарти началась та часть моей жизни, которую можно назвать моей жизнью в дороге» («В дороге»)

13 МАРТА СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

«Мамы разные нужны, мамы разные важные» («А что у вас?»)

14 МАРТА ГЕОРГИЙ ГУЛИА

«Товарищ учительница, — сказал председатель, — мы извиняемся за такой приём. Но мы люди лесные, горные, и нам простительно» («Каштановый дом»)

15 МАРТА ЮРИЙ БОНДАРЕВ

«— А кто он? Этот, весь в орденах? — Андрей Болконский в байроническом плаще, — не задумываясь, ответил Борис и весело подмигнул в его сторону» («Юность командиров»)

16 МАРТА АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

«Несколько недель „морской дьявол“ был излюбленной темой хроникёров и фельетонистов бульварных газет» («Человек-амфибия»)

17 МАРТА БОРИС ПОЛЕВОЙ

«Сорока, чистившая на ветке ольховника чёрный острый клюв, вдруг повернула голову набок, прилусалась, присела, готовая сорваться и улететь. Тревожно хрустели сучья. Кто-то большой, сильный шёл сквозь лес, не разбирая дороги» («Повесть о настоящем человеке»)

18 МАРТА ДЖОН АПДАЙК

«Колдуэлл отвернулся, и в тот же миг лодыжку ему пронзила стрела. Класс разразился смехом. Боль взметнулась по тонкой сердцевине голени, просверлила извилину колена и, разрастаясь, бушует, хлынула в живот. Он вперил глаза в доску, на которой только что написал мелом 5.000.000.000 предполагаемый возраст Вселенной в годах» («Кентавр»)

19 МАРТА ФИЛИП РОТ

«Но я не Эдди Перлгрин, мама! Я это я» («Возмущение»)

20 МАРТА ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН

«Так, без хозяина в путь отправляешься, малый мой свиток, / В Град, куда мне, увы, доступна нет самому. / Не нарядившись, иди, как сосланным быть подобает. / Бедный! Пусть жизни моей твоей соответствует вид» («Скорбные элегии»)

21 МАРТА АЛЕКСАНДР МАЛЫШКИН*

«Прости-прощай, Мшанск!» («Люди из захолустья»)

22 МАРТА НИНО МАНФРЕДИ

«— Купите, сынор, купите! Пятисот лир. — Что это такое? — Неаполитанский воздух» («Операция „Святая Януарий“»)

Гагарин

В связи с предстоящим Днём космонавтики читаем рассказ писательницы, сценариста, поэтессы и жителя Переделкина Светланы Василенко.

Когда он полетел в космос, мне было пять лет. Я этот момент помню как яркую вспышку, так как наш Капустин Яр был военным городом ракетчиков, и все офицеры и их семьи радовались не как простые люди, а как профессионалы, работающие с космосом и ракетами. Запускать ракеты в космос — была их работа. Космодром Байконур и ракетный полигон Капустин Яр — они были как братья-близнецы, как единое пространство, работающее на космос: Байконур над мирным, а Капустин Яр над военным космическим заказом. Наши офицеры были и здесь, и там, и именно они и запускали Гагарина в космос. Некоторые с ним были даже знакомы. На нашей улице Советской Армии, где я жила, стояла гостиница, куда приезжал Сергей Королёв, генеральный конструктор, катал нас, детей, на газике, мы его называли дядей Серёжей. Моя соседка во время его приездов была у него поварихой и официанткой. Недавно она вспоминала, что он взял её на эту должность потому, что она подавала суп на подстановочной тарелке.

А увидела я Гагарина, когда поехала в Ростовскую область на каникулы к своему родному дяде Васе, моему крёстному отцу. Это было в 1967 году летом, 13 июня, когда мне было одиннадцать с половиной лет. В совхоз «Красная Заря» Боковского района, где жил тогда мой дядя Василенко Василий Савельевич, приехали гонцы из станицы Вёшенской и сказали, что там, в Вёшках, сегодня будет выступать Юрий Гагарин! Директор совхоза дал грузовик, и все, как слышали про Гагарина, прибежали и полезли в кузов грузови-

дел Гагарина, о чём до сих пор жалеет, иногда этот уже взрослый и мужественный человек, дослужившийся до полковника, даже плачет, когда я об этом начинаю вспоминать.

Мы же приехали в станицу Вёшенскую на площадь. Вся площадь была заполнена народом. Мы встали очень далеко, и ничего не было видно. И я, бросив родственников, пробралась почти к деревянной сцене и встала сбоку. И тут же увидела очень близко от себя идущих к сцене Юрия Гагарина и Михаила Шолохова. Юрий Гагарин был небольшого роста (это меня поразило, я-то считала, что он как герой должен был быть роста богатырского), с загорелым лицом, очень живым, улыбающимся, тёплым, родным. Его бровь была рассечена, и шрам был совсем свежим, и казалось, что ещё кровоточит. Шолохов, взяв слово, подтвердил, что шрам этот действительно получен был здесь, на Донской земле, когда Гагарин неудачно прыгнул с крутого берега в Дон и головой ударился об корягу. Шолохов (он тоже оказался небольшого роста, ниже Гагарина, и был в холщовой серой рубашке, подпоясанной то ли ремешком, то ли поясом, как раньше крестьяне ходили, и этим меня удивил) сказал, что вот, мол, человек летал в космос и вернулся, а здесь, у нас на Дону, мы могли сегодня потерять Юрия Гагарина. То ли пошутил, то ли серьёзно сказал. У меня тоже был такой же шрам на брови, я его тут же потрогала: я помнила, как однажды в первом классе бежала вокруг школы, столкнулась с другими школьниками, упала, рассекла бровь, как её зашивали безо всякого

обычная потрясённость витала над площадью. Все смотрели на Гагарина как на Бога, который воскрес, спустился с небес и приехал к ним в станицу Вёшенскую. И правда, Гагарин весь светился, улыбаясь, он был таким сгустком света, и на него были устремлены все взгляды людей, как на чудо. Что он говорил, я не очень помню. Что-то шутивное, про Дон, про ту же корягу. Потом про Шолохова. И про земляков Шолохова. Про них, здесь стоящих людей. И это было счастье, счастье! Люди стояли со слезами на глазах и смотрели на него. Что-то было почти религиозное в их взорах.

Но вот к сцене подошли пионеры, Гагарин сошёл со сцены и оказался совсем рядом со мной, в двух шагах. Совсем близко я увидела его любимое лицо. Один из пионеров, вытянув руки и держа на ладонях красный шёлковый пионерский галстук, громко сказал с южнорусским говором, выделяя фрикативное «г»: «Дорохой Юрий Алексеевич Хахарин! Торжественно принимаем вас в почётные пионеры нашей дружины!» Пионер повязал Гагарину пионерский галстук и отсалютовал. Гагарин с красным галстуком на шее отсалютовал ему тоже, потом помахал всем рукой, и они с Шолоховым ушли. Так он мне и запомнился — в красном галстуке, отдающим пионерский салют.

Через десять месяцев, 27 марта 1968 года, Гагарин разбился. Был мартовский солнечный день, я шла из школы и проходила мимо городской столовой «Стряпуха» — и вдруг услышала, как по радио громко на всю улицу сказали, что Гагарин погиб. Помню, что сразу заплакала, так как Гагарин стал мне прошлым летом очень близким человеком, а не только героем, я его видела очень близко, видела его лицо, его загар, его малый рост, его улыбку. Я шла и плакала, словно потеряла родного человека, вспоминая его свежий кровоточащий шрам над бровью, и сейчас этот шрам казался мне предчувствием, предзнаменованием, знаком грядущей гибели Юрия Гагарина, нашего героя, нашего советского Бога.

Много лет спустя студенткой литературного института я по студенческому обмену поехала в ГДР, в Лейпциг, где находился наш поворот — такой же немецкий литературный институт. Конечно же, сразу пошли в Бах-кирху — церковь, в которой когда-то играл на органе сам Бах, и попали на службу. Священник что-то долго говорил с кафедры на чужом языке, и вдруг я услышала знакомое имя — Гагарин. Оно повторялось несколько раз. Я попросила сопровождающего нас переводчика перевести проповедь. И переводчик начал быстро переводить. Сегодня день Вознесения. День, когда Христос вознёсся на небо, — говорил священник. — В этом году день Вознесения совпал с 12 апреля, когда Юрий Гагарин впервые полетел в космос. И это знак всем нам, людям. Мы все были свидетелями вознесения человека. Полёт в космос Юрия Гагарина есть доказательство силы и торжества Бога! Потом заиграл орган — играли

Юрий Гагарин и Игорь Волгин

Баха — и всё слилось во что-то мощное, огромное, торжественно-ревущее: Вознесение — Бог, музыка — Бах, космос — Гагарин, и те ликующие люди на площади в Вёшках.

29.01.2021
Переделкино

ГАЗЕТА «ПЕРЕРЫВ»

Главный редактор: Денис Крюков
Арт-директор: Юлия Дикевич
Над номером работали:
Дарья Беглова, Екатерина Гуляева,
Марина Кудимова, Галина Смирнская,
Мария Федотова, Александр Филиппов-Чехов
Корректорское бюро «Ёлки-палки»
Отпечатано в АО «Коломенская типография»
Адрес: ДСК «Мичуринец», поселение Внуковское, ул. Погодина, 4
Дом творчества Переделкино
info@pro-peredelkino.org
+7 916 260-94-88

События и новости Дома творчества

«Телеграм»

«ВКонтакте»

YouTube

Юрий Гагарин, Евгений Евтушенко и руководитель подготовки первых советских космонавтов Николай Каманин. Куба, 1961г.

ка. Мы с дядей Васей, тётей Любой и двоюродной сестрой Галей тоже залезли. Люди бежали со всех сторон. А мой десятилетний двоюродный брат Валера был оставлен отцом дома: больше некому было встретить корову с пастбища. Он стоял на дороге и смотрел нам вслед. Он не уви-

наркоза и как было больно. И мгновенно всё это пережив, пожалела Гагарина всем своим детским сердцем.

Обстановка на площади была необыкновенной: вроде бы праздничной, но в то же время все чувствовали, что присутствуют при каком-то невероятном событии. Какая-то не-